

Цикл Сергея Мельника

ПОПАДАНЕЦ

Барон Ульрих

Мечь

Чужие игры

Возвращение

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИК

ПОПАДАНЕЦ:
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М48

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

М48 Мельник, Сергей Витальевич

Попаданец: Возвращение: роман / Сергей Мельник. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 384 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-096279-2

Злокозненный рок не оставляет барона Ульриха в покое.

Сбежавшая принцесса оказывается у него на руках, в то время как по городу рыщет смерть, порожденная черной магией.

Как справиться, если некромант плетет паутину своих интриг, правящая династия королев под ударом мятежников а королевство пожирает кровавая смута? И непонятно, удастся ли во всех этих событиях сохранить свою голову на плечах...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096279-2

© Сергей Мельник, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть 1

СИЛА ЛЮБВИ

Скоротечное лето на исходе. Странное дело, зима всегда длится и длится, и кажется, что конца и краю ей нет, а лето, закрыл на секундочку глаза, и пролетело, словно его и не было никогда. Все три месяца меня не выпускали из дворца. Я составил для обеих из заинтересованных сторон все необходимые для подписания пакеты документов, тщательно разжевав всем советникам и казначеям по пунктам, что и где, а тем паче для чего описано и оговорено. Но я, как птичка в золотой клетке, не волен был покидать дворец до подписания двухстороннего договора между империей и королевством. Все ждали императора с его свитой. Соответственно, я тоже. Увы, но деваться некуда, вокруг меня денно и ночью дежурило с десятков магов из личной гвардии короля, ну и пяток-другой специалистов разного жанра от господина верховного мага, Нильса Ваггета.

Все как-то прищурившись смотрели на меня, видимо подозревая во всем и сразу, а я изнывал от тоски и уныния, медленно перебирая тягучие мысли в своей голове, о странностях и перипетиях в своей нелегкой судьбе.

Дни напролет я ел виноград, метал вилки в портреты великих деятелей прошлого, читал, фантазировал и играл в шахматы...

Хотя последнее время в шахматы я играл в рыцарском шлеме. Когда-то по простоте душевной я считал, что только я могу расстраиваться, проигрывая, пока в моей жизни не случилась ОНА. Высокая, с острым носиком, которым, казалось, можно было лимон на дольки порезать, и безумно глубоким взглядом, чистым, не замутиненным налетом человеческой изменности взором.

Юное прелестное и чистое душой, хоть и избалованное до безобразия существо. Знакомьтесь — ее высочество принцесса Катрин, собственной персоной сидит напротив меня, от усердия мысли высунув кончик языка и распаяясь из-за сложных шахматных комбинаций.

Бздым!

Она засветила по моему шлему сложенным веером.

— Вы мухлюете, барон! — Губки поджаты, глазки сверкают. — Где, я вас спрашиваю, моя ладья?

— Позвольте. — В свою защиту я тут же выдвинул вперед листик бумаги, где под каждым ходом, во избежание уже миллионного обвинения в мой адрес, стояли наши подписи. — Вот, пожалуйста, мой конь ест вашу ладью ровно три хода назад.

— Это не оправдание вашему коварству! — В подтверждение весомости своих слов она еще раз стукнула по кастрюльке моего шлема. — Сознайтесь, вы коварно все это продумали, чтобы я вас ударила?

— П-п-ф! — В такие моменты я обычно так и отвечал на ее сумасбродство. Принцесса была немного старше меня, но вот как была ребенком, так по сути им и оставалась, совершенно не желая меняться.

Красивая, что ни говори, девушка, от папеньки ей достался командный голосок, слышимый за версту, немаленький рост и немного крупные для девушки кисти. Да уж, сразу видно — папина «доча», у папули кулачищи были с мою голову каждый, и орал он, блуждая по дворцу, как иерихонская труба, пинками расшвыривая мебель и зазевавшихся слуг. Тому же принцу Паскалю

гораздо больше досталось от маменьки, уравновешенной, строгой женщины, говорившей всегда тихо, а главное, по делу, а не ради того, чтобы просто поорать, сим возвестив благою весть твоего явления народу.

— Сестрица, прекрати бить нашего друга барона. — Паскаль также принимал участие в наших посиделках, правда, в играх не принимал участие, проводя это время, как правило, в кресле за чтением книг.

— Мой друг, хочу бью, хочу милую! — Она сверкнула на братца своим пылающим взором. — И вообще я девушка, мне можно!

— Когда же тебя уже замуж отдадут? — Печально закатил глаза принц, тут же втянув голову в плечи, так как над ним со свистом пролетела ваза с фруктами.

— Куда?! — Я запоздало вытянул руку, так и не успев перехватить разлетевшуюся по комнате виноградную кисть. — Ну, ваше высочество! Разве так можно?

— А пусть прекратит мне про замужество! — Она подскочила с места, топнув ножкой. — Сам вон, стыдобщица, бегаешь к своей имперке худородной, и меня хочешь куда-нибудь сбегать!

Это было жестоко с ее стороны. По лицу Паскаля можно было прочитать крайнюю степень неприятия сестры в данный момент. История тут и вправду какая-то расплывчатая получалась. Нашему принцу было уже примерно лет двадцать шесть — двадцать семь, не женат, но не для кого не секрет во дворце, с недавних печальных событий, случившихся на зимнем балу, его сердце принадлежало одной даме, всецело и без остатка.

Я знал, кому, и от этого мне становилось как-то неуютно. Даже не знаю, возможно, где-то внутри я чувствовал себя ответственным за эту встречу. Дамой сердца нашего принца стала госпожа Генриетта Ван Шегуэр, вдова того самого имперского посла, из-за жизни и смерти которого случилось так много неприятных вещей в моей жизни и на большой политиче-

ской арене этого мира. Генриетта не вернулась домой, вместе с дочкой она получила негласный патронаж от принца Паскаля, оставшись здесь во дворце. Не знаю, обоснованно или нет, но похоже, она считала, что на родине ее ничего хорошего не ждет. Ну да бог с ней, это ее мысли и ее голова, женщина она разумная и без царских амбиций, думаю, все, что ею двигало и движет на данный момент, это забота о своей маленькой дочурке. Ну а принц... Не знаю, тут все гораздо хуже, он ведь формально уже обручен с какой-то принцессой, которую, насколько я понял, он видел лишь единожды по присланному послами портрету.

Ох уж эти мне дворцовые страсти. У них вся семейка, начиная от бабули с большим и пламенным приветом, — сплошные скандалы, интриги, расследования. Глядя на Катрин, можно себе представить страсть в душе юной Вальери, пожалуй, по темпераменту это две родные огненные стихии. Надеюсь, принцесса не сильно будет бить в будущем своего короля. Хоть бы не как бабуля, без членовредительства и летального исхода.

— Ваши высочества! — Дверь открылась, пропуская внутрь подтянутого старичка лакея. — Прибыла делегация имперцев, через полчаса вас ожидают в приемном зале!

— Йе-х-у! — Принцесса, взметнув веер юбок, на сверхзвуковой скорости вылетела из комнаты, сметая все на своем пути, вроде досадных помех в лице двух дюжих парней гвардейцев, и чуть не затоптав старичка слугу. Опасно, опасно, ребята, находиться на пути женщины, следующей к новому красивому платью, в котором она будет красоваться перед целой иностранной делегацией.

— Ох, и непоседа. — Мы вместе с Паскалем помогли старичку подняться с пола. Честно скажу, глядя на него, могу со всей ответственностью заявить: из него получится в будущем куда как толковей правитель, чем

из его папочки. — Вы, барон, надеюсь, составите мне компанию на встрече? В конце концов, это ведь вашими стараниями мы выходим на этот уровень переговоров, вы обязательно должны быть.

— Всенепременнейше, ваше высочество, — улыбнулся ему я, снимая с головы уже не нужный тазик рыцарского шлема. — С удовольствием составлю вам компанию.

Мы вежливо раскланялись, после чего я остался в гордом одиночестве, если не считать гвардейцев у двери, но к этой мебели на двух ногах я уже привык. Пройдя к своему рабочему столу, сажусь в кресло, в очередной раз разворачивая письмо, пришедшее из усадьбы, отчего слегка затухшее чувство тревоги вновь всколыхнулось во мне волной плохих предчувствий.

Станный визит де Тида в мой дом пугал меня неясностью своих мотивов, а также остро кольнул сердце тревогой за близких мне людей и тех, что ими когда-то были. Граф чудом выжил, нужно при встрече пожать ему уважительно руку, он в одиночку разорвал на куски дюжину своих подопечных, что, словно обезумев, бросились на него. Все-таки «папочка» у них матерый зверь, не знаю, на что рассчитывал де Тид. Но граф хоть и в не лучшей форме, но по-прежнему жив и остается моим негласным управляющим в загородном особняке. А вот Ло... Маленькому монаху пришлось куда как хуже. Даже помыслить не берусь, с чем этот малыш мог столкнуться. По словам графа, на теле монаха нет живого места, мой учитель боевых искусств лежал третью неделю неподвижно, не в силах даже пошевелиться, а лучшие лекари, чьи услуги я смог купить в городе, день и ночь не отходили от его постели. Правда, в письме граф жаловался на то, что монах, периодически приходя в себя, начинал улыбаться, утверждая, что о лучшем и мечтать не мог, и если у Ули-Ри есть хотя бы еще один такой враг, он будет самым счастливым человеком во всем мире.

Далее я соглашался с графом, подозревая сильнейшую травму головы у монаха, ибо в здравом уме о подобных перспективах на будущее вряд ли кто здравомыслящий может мечтать. Побарабанив пальцами по столу, я отложил письмо Десмоса, беря в руки другое послание, пришедшее от сестер Хенгельман. Которых уже я в свою очередь просил пройтись по дому, дабы проинспектировать его на случай всяческих подлянок от неожиданного гостя, все же, как ни крути, а они одного поля ягодки, а в то, что де Тид просто так заглянул на огонек, верилось с трудом. Что-то ему было нужно, и что гораздо печальней, боюсь, он получил все, что хотел. За время нашей короткой встречи я прекрасно успел осознать всю холодность натуры герцога, это уже далеко не человек, в привычном для нас значении этого слова. Это нечто за гранью, его невозможно просчитать и спрогнозировать, что бы он ни затевал, а я еще тысячу раз прокляну тот день, когда впервые перешел ему дорогу.

«Ульрих, — писала Априя Хенгельман. — Мы с сестрой прошли дом, видимых операций с некротикой не проводилось, что бы в доме ни делал де Тид, мы этого не узнали. Все чисто. Однако расслабляться не стоит, убиты оба кракена, мы смогли спасти частичку одного из них, но на процесс его восстановления уйдут годы. Самое неприятное это то, что вскрыты оба хранилища гончих, именно в этом вопросе мы с сестрой видим наиболее вероятную угрозу тебе. Здесь что-то произошло, мы видим отголоски мощного заклинания, но что это было, нам уже не разобрать. Это странно, Ульрих, но мы со всей ответственностью можем утверждать, что одна из гончих сожрала вторую, пока та была в спячке, а потом покинула дом, покинула свое хранилище. Как ты наверняка понимаешь, подобное просто невообразимо, этого просто не может быть, но, однако, это именно так. Гончая не может жить без своего хранилища, мак-

симум сутки, ну может двое, после чего идет необратимый распад ее организма. В этих созданиях установлен жесткий контроль подчинения, и на инстинктивном уровне установлено возвращение по внутренним часам к своим резервуарам. Почему вторая тварь сбежала, мы не знаем. По идее, это чистое самоубийство, даже если допустить, что каким-то образом нарушена связь с посохом подчинения, нам сложно ответить, что же в действительности стало со зверем. Мы с сестрой вторую неделю обходим окрестности, нет ни малейшего намека на сбежавшую тварь, нет ни следов, ни слухов, ни тем паче, чего стоило бы ожидать, тела разлагающейся твари.

Так не бывает. Поверь нам, старым, что-то происходит, что ускользает от нашего взгляда, все это неспроста. По словам графа, де Тид уходил пешком, так что зверя он с собой не брал, да и сложно себе представить, зачем ему ломать уже готовое оружие, обрекая его на смерть, проще было бы провести обряд подчинения, с теми же кракенами он совершенно не церемонился.

Мы пока побудем в твоём доме, проведем еще ряд действий, но боюсь, ничего утешительного не скажем. Будь осторожен, мальчик, будь очень осторожен, мы банально можем не понимать общей картины происходящего, у тебя могущественный противник, это даже близко не наш уровень. Береги себя.

М. и А. Хенгельман».

— Господин барон. — В дверь после вкрадчивого стука заглянул слуга. — Вас ожидает его высочество принц Паскаль.

— Иду, любезный. — Я сложил письма, жестом руки отпуская слугу и выходя из покоев.

— Барон, это что такое?! — Вместе с Паскалем меня встретила Катрин, широко округлив глаза. — Я вас спрашиваю, это что такое?!

— Ваше высочество? — Я немного сконфуженно огляделся по сторонам, не находя причины ее беспокойства.

— Вы почему не переоделись? — Она нахмурила брови.

— Зачем? — Я недоуменно уставился на принца.

— Вы на него не смотрите! — Топнула ножкой юная прелестница. — Мой братец известный ханжа, посему может себе позволить в одном и том же появляться как с утра, так и к обеду, но о вас я была лучшего мнения!

— Что с ней? — Мы с Паскалем проводили гордо выпрямленную спинку его сестры, не оглядываясь, скорым шагом удаляющуюся от нас.

— Женщины. — Пожал плечами принц. — Что тут еще сказать?

— М-да. — Я последовал за принцем, подстраиваясь под его шаг. — Не подскажите, ваше высочество, чего ожидать на приеме?

— Нуть, муть, бла-бла-бла речи и море фальшивых улыбок, — улыбнулся мне он. — Ничего особенного, ну разве что оценим с вами новое тело императора.

— Вы в курсе? — Я удивленно уставился на него.

— О, я вас умоляю, барон. — Он отмахнулся рукой. — Я без малого уже скоро тридцать лет в этой семье, для меня все эти марьяжи папеньки с бабулей как кость в горле. Меня больше удивляет, откуда вы в курсе самой сокровенной тайны нашей фамилии.

— Мне пришлось, если помните, быть невольным участником того зимнего бала, — несколько сконфуженно произнес я. — Там, собственно, мне и довелось коснуться всего этого, причем напрямую через... э-м-м...

— Дедушку? — Он тихо рассмеялся. — Да, папенька моего папеньки презанятнейшая личность.

— Да уж. — Я невольно сжал кулаки при мысли об императоре.

— Сколько себя помню, он практически всегда незримой тенью нависал над нашей семьей. — Паскаль задумчиво покачал головой. — Сложная личность. Мы иногда общались, я по молодости не понимал этого, просто неуловимо что-то менялось в людях, которых я знал всю свою жизнь. Мои мягкие учителя-наставники вдруг приобретали сталь во взгляде и говорили странные, тяжелые вещи. Знаешь, барон, он весьма и весьма умен и дальновиден, я многое смог почерпнуть из наших с ним бесед.

— Ваше высочество. — Я покачал головой.

— Да, барон? — Он внимательно на меня посмотрел.

— Если вы когда-нибудь в будущем меня спросите, — я вежливо склонил голову, — то знайте, больше половины из того, что он вам наверняка говорил, стоит немедленно выбросить из головы и забыть, так как более опасных, холодных и жестоких людей мир наверняка еще не знал.

— Наверное, я вас понимаю. — Он покивал своим мыслям. — Правда, открытым остается весьма существенный вопрос, а человек ли он вообще?

— Хороший вопрос, ваше высочество. — Хмыкнул я. — Хороший...

Мы вошли в приемный зал, где герольды бегали взмыленные, пытаясь расставить всех, согласно занимаемым должностям и статусу. Не знаю, на счастье или нет, но принц властным поднятием брови отогнал от меня всю эту шушеру, установив мою скромную персону непосредственно рядом с собой по правую руку. С одной стороны, вроде как приятно, с другой стороны — сразу же ощущаешь на себе целую кучу колючих взглядов стаи товарищей, что, несомненно, не в курсе того, какого, спрашивается, лешего какой-то соплик удостоен милости стоять у левой пятки любимого господина.

Я тяжело вздохнул, похоже, из сидячих мест сегодня предусмотрены лишь два трона, для его величества

и его королевы, остальным придется все это беспутство мировой политики вынести на ногах.

— Начинается, — тихо шепнул мне через плечо принц. — Давай натягивай лучшую свою улыбочку.

— Еще чуть-чуть натяжки — и лицо по краям разорвется, — тихо, так же шепотом ответил я.

От дверей взревели трубы, слуги расшаркались ножками и замахали цветными знаменами, после чего створки наконец-то раскрылись, пропуская внутрь так долго ожидаемых гостей. На мое удивление, первым в зал вошел не император, а огромный бритоголовый мужик, чье лицо словно паутиной пересекали сотни больших и маленьких шрамов. Широкие мощные плечи, строгий черный наряд, расшитый серебряной нитью, и пусть несколько аляповато выглядывшая из-за множества фигурных блях, но вполне ноская и функциональная разгрузка, перетягивающая грудь и торс здоровяка. Ого! А я ведь видел подобные наборы ремней, точные копии носили рейнджеры империи, похоже, дядечка серьезен, как нож у горла.

— Татум Герд Шредерграм! — объявил мажордом, от дверей продолжая выкрикивать еще какие-то титулы вояки.

— Это армия империи и ее разведка, во всей своей красе, барон, — все так же шепотом просветил меня принц. — Если хотя бы половина слухов о нем правда, то бабушкин цепной пес Гербельт по сравнению с ним скромная четырнадцатилетняя послушница храма, видевшая мужчин лишь на картинках в книжках.

— Жуткий тип, — выдал я свое резюме Паскалю.

— Нет, — едва качнул отрицательно тот головой. — Сейчас приготовься, вот кого стоит бояться.

— Танис Ром Вапорт! — произнес объявляющий гостей, а я в ожидании монстра глупо растянулся в лице.

В дверь, слегка прихрамывая и опираясь на черную резную тросточку, вошел седой и сгорбленный, сухой,

как палка, дедулька с гладко выбритым лицом и необычайно живым и умным взглядом.

— Вот, Ульрих, вот как выглядит самый опасный человек на той оконечности света, — тихо рассмеялся принц. — Кстати, ты не знаком случайно с самым опасным человеком с этой оконечности?

Принц едва заметно повел кистью в сторону короля, где по его правую руку стоял высокий бело волосый мужчина с резким хищным профилем и льдом глубоких умных голубых глаз. Хм. Удо Вилькс, держатель всей королевской казны, ну и министр финансов заодно, кажется, я понял, на что намекает Паскаль. При явном физическом отличии в них чувствовалось какое-то внутреннее родство. Не знаю, как это описать, что-то неразличимое, но нечто тяжелое чувствовалось, когда подобные люди смотрят на тебя. Сразу сознание рисует щелчок кассового аппарата, бегут нолики, циферки, и ты понимаешь, что «уплочено», цена на тебя поставлена и уже сведены все составляющие в сводную месячную отчета.

— Б-р-р-р, — шепнул я. — И вправду кожей ощущаешь при взгляде на них невероятную хитрожопость внутри каждого.

— П-ф-ф! — Паскаль попытался сымитировать кашель, душа в кулак накативший смех.

— А ну-ка прекратили оба! — зашипела на нас Катрин, стоящая чуть в сторонке. — Ведете себя, как малолетние балбесы!

Остальных гостей мы уже не обсуждали, так как пристальный взгляд принцессы небезосновательно не отрывался от наших персон, суля как минимум обоим пару затрещин веером по шее. Страшное оружие в руках женщины веер, почти как скалка у любящей жены.

Напоследок я чуть не оглох от труб и прочих дуделок, когда герольды протрубили заход в приемный зал